

Занятие №65-67.

Становление образования на Кубани.

Зарождение системы народного образования на Кубани берет свое начало со времени переселения сюда Черноморского казачьего войска. С 1792 года, когда Черноморское казачье войско переселилось на правобережье Кубани, и вплоть до 1803 года у него не было ни одной официальной школы, хотя частное обучение практиковалось сразу же после водворения куреней на Тамани. Черноморцы, занимая Прикубанье, несли с собой зачатки просвещения. Грамотные люди ценились, и обучение грамоте поощрялось казачеством. Имеются сведения, что в январе 1794 года в курене Платнировском была построена первая хата и тут же школа "У церковных причетников". Подобного рода "учебные заведения" возникали с закладкой станиц на территории Кубани. В них обучали лишь чтению и письму, а занятия вели лица духовного сословия и писари. Обучали грамоте и при казачьих канцеляриях, которые долгое время служили своего рода "учебными заведениями".

Первая официальная школа была открыта в Екатеринодаре по инициативе тогдашнего войскового атамана Ф.Я. Бурсака. Согласно статье в журнале "Кубанская школа", открыта она была 1 августа 1803 года и для обучения детей вызваны из Московского университета студент Иваненко и гимназист Поляков. Уже через год ее переименовали в войсковое училище, предоставив ему права официальной правительственной школы, но на этот вклад государственных органов в зарождение образовательной системы в Кубанской области завершился. Материальная база первого казачьего войскового училища формировалась за счет пожертвований и сборов средств, здание содержалось на средства казачьего войска.

Понимая недостаточность только одного учебного заведения передовые люди Черномории ставили перед вышестоящим училищным начальством вопрос об открытии новых учебных заведений. В июле 1805 года атаман Бурсак обратился к жителям Черномории, "изъявившим желание содействовать развитию образования", с предложением о денежных пожертвованиях на это дело. В числе жертвователей был и протоиерей Кирилл Россинский, назначенный смотрителем училища 24 февраля 1806 года.

Но на обучение в училище казаки смотрели довольно прозаически: едва научатся читать и писать, как немедленно стремятся на службу и уходят из школы. Грамотный и красивый почерк особенно ценился; это способствовало продвижению по службе и щедро оплачивалось.

Следующим этапом в деле становления и развития народного просвещения стало открытие в 1812 году первых в северокавказском крае приходских школ на Тамани, в Щербиновском и Брюховецком, а затем и в Гривенском (Новонижестеблиевском) куренях. В последующем, в течение двух лет (1818-1819 годы) были открыты еще шесть приходских школ: в куренях Темрюкском, Роговском, Кущевском, Медведомском, Леушковском и Пластуновском. К 1820 года в указанных десяти приходских училищах обучались свыше 300 учащихся.

В августе 1818 года благодаря усилиям К.В. Россинского открылось Екатеринодарское духовное приходское училище, являющееся первенцем церковно-православного образования на Кубани. Открытие указанных учебных заведений представляло собой заметный качественный скачок от фактического отсутствия определенной образовательной системы к началу ее целенаправленного строительства. В этом отношении Черномория обогнала даже соседнюю, более заселенную, благоустроенную и находившуюся на значительном удалении от приграничной зоны с ее непрекращающимися боевыми стычками с горцами, область войска Донского, где существовало только три приходских училища. Однако открытые учебные заведения не были поставлены на прочную материальную основу и порой их существование зависело от частных пожертвований и

других непостоянных источников финансирования. Вопросы нормального обеспечения их деятельности решались крайне мелко, поэтому, по свидетельству самого К.В. Россинского, "приходские училища, а особенно учителя, лишались способов к своему содержанию, доведены до последней крайности". Не составляло исключения и положение войскового училища в Екатеринодаре, содержавшегося, по свидетельству того же должностного лица, "на собственные войсковые средства, без всякого участия казны, за исключением правительственной опеки". Поэтому рост числа учебных заведений передавался с закрытием или перерывами в их функционировании: в 1819 году в Черномории было 11 учебных заведений, в 1835 году - только 5, а в 1860 году - снова 11. Но численность учащихся в них практически постоянно росла и составила в 1860 году 648 человек.

Слабый уровень образованности вообще в России, и в особенности на окраинах государства, приводил к тому, что найти подготовленных учителей было крайне сложно, а порой и просто невозможно. Те же, кто изъявлял желание работать на стезе народного просвещения, не всегда имели профессиональную подготовку. Бывали случаи, когда место наставника занимал один из способных учеников "за неимением никого к замещению", как это было в апреле 1810 года в Екатеринодарском училище.

За недостатком учебных заведений вынуждено практиковалось "домашнее обучение", когда дети в основном непривилегированных слоев казачьего общества учились грамоте у писцов в канцеляриях.

Очень многое для развития образования сделал Кирилл Васильевич Россинский. Он был первым просветителем в Черномории, ученым, общественным деятелем, поэтом. Сохранившиеся исторические архивные документы свидетельствуют о большом безвозмездном труде этого человека по распространению "просвещения в земле войска Черноморского". На одни поездки по делам просвещения он израсходовал 18 тысяч рублей собственных средств, не требуя возмещения за казенный или войсковой счет. Историк Ф. Щербина называл Россинского "фанатиком просвещения". "Протоиерей Россинский, - писал он, - был редкой для своего времени личностью. Он целой головой стоял выше той административно-служебной среды, в которой ему пришлось вращаться всю жизнь. По образованию и уму ему не было равного в войске. По энергии и бескорыстию он был единственным в своем роде деятелем".

За успехи в просвещении казачества Россинский неоднократно отмечался начальством. Так, от училищного комитета Харьковского императорского университета за примерную ревность и усердие к исполнению должностей и похвальные труды в распространении просвещения в земле войска Черноморского удостоивался неоднократно благодарностью.

Кирилл Васильевич Россинский был саном священника. Образование получил в Екатеринославской семинарии. Его карьера складывалась успешно, и двадцати девяти лет от роду он был переведен войсковым протоиереем в соборную Воскресенскую церковь города Екатеринодара. Сразу же занялся отец Кирилл сбором пожертвований и хлопотами по устройству первого казенного заведения в войске.

Желая поднять образование в Черномории на более высокую ступень, Россинский в своем рапорте от 23 февраля 1811 года ходатайствует перед училищным комитетом Харьковского университета об открытии при Екатеринодарском училище третьего класса, в котором

преподавались бы предметы первого класса гимназии, а также артиллерия и фортификация, как предметы, нужные для военных людей, каково Черноморское войско. Россинский планировал преподавать в этом гимназическом классе логику, риторику, алгебру, геометрию и военные дисциплины. Благодаря инициативе и настойчивости первого кубанского просветителя в 1811 году Россинский организовал сбор пожертвований "для сооружения в городе Екатеринодаре гимназии и при ней строений для помещения штаб - и обер-офицерских детей-сирот, не имеющих способов обучаться на собственном содержании". Всего было пожертвовано на эти цели более 14 тысяч рублей. 17 мая 1820 года состоялось официальное открытие гимназии в Екатеринодаре, на содержание которой правительственная казна ежегодно отпускала 5 тысяч 800 рублей.

Из воспоминаний преподавателя математики этой гимназии И.М. Сбитнева: "Невзирая на чрезмерные пособия многих благонамеренных особ, чувствующих цену воспитания общественного, невзирая на деятельность усердную тамошнего директора войскового протоиерея Россинского, сия гимназия находится еще в колыбели, но быстрыми шагами стремится к той степени совершенства, какую правительство предназначило сего рода заведениям. Библиотека в ней довольно порядочна, как равно и минералогический кабинет". В гимназии преподавали талантливые учителя. Так, деятельным помощником Кирилла Россинского был учитель словесности и латинского языка В.Е. Толмачев, которого наказной атаман Черноморского казачьего войска Н.С. Завадовский назвал "украшением гимназии". И.М. Сбитнев прибыл на Кубань из Новгород-Северской гимназии. Общими усилиями черноморская интеллигенция способствовала распространению просвещения в крае.

Учреждение войсковой гимназии в условиях абсолютной монархии состоялось согласно воле императора, изложенной в Уставе учебных заведений для "доставления средств приличного воспитания детей дворян и чиновников". Детям представителей других сословий не воспрещалось посещать это среднее учебное заведение. С учреждением гимназии закрывалось Екатеринодарское уездное училище, в котором оставались только младшие классы.

По уставу Черноморская войсковая гимназия была рассчитана на семь классов и в целом приравнялась к губернским гимназиям, то есть имела почетного попечителя, директора-инспектора, законоучителя, учителя наук и искусств. Учебный план предусматривал преподавание Закона Божьего, российской грамматики, географии, истории, статистики, математики, физики, латинского и французского языков, а также рисования и черчения.

По окончании этого среднего учебного заведения учащиеся, удостоившиеся похвального аттестата, при поступлении на государственную службу производились: рядовые дворяне в первый официальный чин через один год, дети дворян - через три года, прочие через пять лет действительной службы, что еще раз подтверждало наличие многочисленных привилегий дворянства в условиях абсолютистского государства.

Но все же учебное дело развивалось медленно, и большинство учеников, общее число которых не превышало 20 - 30 человек, не доходило до окончания гимназического курса. Когда же, в 1827 году, Харьковский университет решился, наконец, послать для ревизии гимназии профессора Е.М. Филомафитского, то он убедился, что, вопреки высочайшему указу 1809 года, разные канцеляристы и грамотеи, не имеющие права на содержание училищ, решительно отбивают детей от правительственных училищ. Больше всего причиняла вреда гимназии, по мнению Филомафитского, войсковая канцелярия, куда родители определяли своих еще недоучившихся и

несовершеннолетних детей канцеляристами, и где последние получали хороший заработок, набивали руку в делопроизводстве и выходили в члены даже ранее, чем их товарищи-гимназисты.

Ввиду всего этого университет должен был просить министра народного просвещения, а последний Главнокомандующего Кавказского, чтобы воспретить канцелярии прием на службу несовершеннолетних и закрыть все частные училища, где учили по часослову и псалтырю. Между тем, посещению учениками гимназии препятствовала также грязь, через которую и конному ехать было опасно. Учителя Войсковой гимназии назначались Харьковским училищным советом, на основании общего тогда закона 1804 года об управлениях училищами, но - выбор хороших учителей для столь отдаленного края был не менее затруднителен, чем и для Тифлиса. Нравы учеников были грубы, а влияние на них родителей скорее вредно, чем благотельно. Директор черноморских училищ, протоиерей Россинский свидетельствует, что "учителя, приходя в свое время в классы, часто не находят в них ни одного из учеников своих и, дожидаясь через все определенное время, должны бывают возвращаться праздными".

Просуществовала эта гимназия недолго: в конце 20-х годов XIX века она была закрыта. После подавления восстания декабристов реакция обрушилась и на просвещение. Екатеринодарская войсковая гимназия в 1828 году была ликвидирована по приказу царя. Также причину медленной "смерти" гимназии современники усматривали "в невнимании черноморцев к образованию юношества" и в недостатке воспитанников: в 1827 году в ней числился один воспитанник в четвертом классе, два - в третьем, четверо и один слушатель - в первом классе. Неаккуратное посещение занятий и слабые знания, высказанные учащимися на экзаменах, заставили администрацию гимназии оставить весь состав учеников на второй учебный год.

Также сократилось число приходских школ. "Ведомости об учебных заведениях, состоящих в земле войска Черноморского" за 1832 год констатировал: школ в войске Черноморском - шесть, учителей - девять, учеников - 202, окончило школу в 1832 году - 28.

Негативные последствия закрытия Черноморской войсковой гимназии быстро сказались на "образовании юношества", так как в оставшемся Екатеринодарском уездном училище, и тем более в приходских школах, преподавались только "начала наук", что не удовлетворяло культурно-образовательных потребностей жителей Черноморского казачьего войска. Поэтому, идя навстречу запросам чиновной и старшинской верхушки общества, тогдашний наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Н.С. Завадовский 25 ноября 1834 года поднимает перед своим начальством о преобразовании учебных заведений в Черномории, предусматривая в нем и восстановление гимназии. Дело это тянулось почти шесть лет и закончилось тем, что главнокомандующий Кавказской областью и Закавказским краем генерал Головин в своем ответе от 1 июня 1840 года на предложение атамана "не нашел а настоящее время особой надобности в устройстве гимназии, тем более что она существовала прежде в Екатеринодаре без видимой пользы, которая едва ли и впредь ожидаема быть может". Он порекомендовал подумать об учреждении в войске военного учебного заведения, которое "с несомненною пользою подчинено будет военному началу" и, следовательно, более важно для казачьего сословия. Своим постановлением от 18 июля 1840 года Черноморская войсковая канцелярия, "руководствовалась обстоятельствами", обращается к наказному атаману с просьбой об открытии военного учебного заведения в войске. Но такое учебное заведение так и было учреждено в Черномории. Что же касается войсковой гимназии, то она была восстановлена в 1851 году.

Основываясь на Высочайше утвержденных в 1803 году "Правилах народного просвещения", Россинский распределил все курени и поселения в войске на группы с центральным селением для школы в каждой группе. Таким образом, к Тамани отнесено было 5 селений, к Темрюку - 2 селения, хутор и рыбные промыслы, к Гривенскому - 6 сел., к Роговскому - 4, Брюховецкому - 7 и Щербиновскому - 3 селения, хутора и рыбные заводы. В этих шести центрах уже были училища. Вновь открытые училища охватили Кущевский курень с 7 селениями, Леушковский - с 5, Пластуновский - с 10 и Медведовский курень - с 3 селениями и близлежащими хуторами. Войсковой атаман и войсковая канцелярия утвердили это распределение. В 1812 году были открыты три училища, два в 1817 году и пять в 1819 году. Эти училища были приравнены к приходским и их содержание должно было обеспечивать само население.

В действительности положение этих училищ было не из легких. Школьные здания не отвечали даже самым элементарным требованиям, учащиеся жили на большом расстоянии от школы, материальных средств не хватало даже на необходимые нужды, учителя бедствовали.

Сам Россинский в своем рапорте сообщал, что в войске Черноморском из приходов только 10 имели приходские училища (в царской России учебные заведения назывались училищами). И только четыре из них (Таманское, Щербиновское, Брюховецкое, Гривенское) были более или менее обеспечены средствами от пожертвований.

Отбор детей горцев для обучения в российских учебных заведениях осуществлялся по специальным правилам. Во-первых, претенденты должны быть не моложе 6 и не старше 13 лет, а, во-вторых, и это главное, "все они должны быть детьми князей, первостепенных узденей и почетных мусульман, кои пользуются между единоплеменниками особым уважением, доказать на опыте преданность нашему правительству. То есть применительно к горцам действовал общероссийский сословный принцип, представлявший привилегии для верхушки адыгского общества.

Этот путь военно-учебного образования неоднозначно воспринимался самими адыгами. С одной стороны, он наиболее соответствовал природным наклонностям и общественным привычкам воинственных жителей гор. С другой, долгий обрыв от родных семейств не мог не сказываться отрицательно на их поведении, и, в конце концов, на самом качестве обучения.

В кадетские корпуса адыги поступали без всякой предварительной подготовки и соответственного знания русского языка. Эффективность обучения поэтому была невелика, что в конечном итоге и вынуждено было признать военное начальство, в ведение которого эти училища находились. В мае 1853 года военный министр сообщал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом, что "благодетельная цель правительства образовывать горцев через воспитание в военно-учебных заведениях вполне не достигается для них".

Главным препятствием на пути приобщения горцев к образованию через военно-учебные заведения являлась, конечно, ведшаяся Кавказская война. Большинство не желало получать образование от своего противника. Следствием этого являлись трудности с набором в кадетские корпуса, которые ощущались постоянно.

Второй этап горского образования можно датировать, начиная с середины 40-х годов XIX века. Он

характеризуется тем, что правительственные власти решили уменьшить число отправляемых горцев в корпуса и увеличить способы воспитания горцев ближе к местам их непосредственного происхождения.

В открывшемся в октябре 1845 года в станице Полтавской Таманского округа Черноморского казачьего войска окружном училище было предусмотрено отделение для детей черкес и татар, проживавших в Черномории. Для них выделялись десять вакансий за счет средств государственного казначейства. Взаимное обучение детей казаков и горцев, как отмечалось в приказе по Черноморскому кавказскому обществу от 21 октября 1845 года, проистекало от благих предначертаний монарха и относительно сближения с нами соседей и, уже отчасти, сограждан наших черкес".

В этом училище стараниями окружного штаб-офицера Табанца было предусмотрено помещение "для жительства преподавателя азиатского языка, в намерении, чтобы желающие из детей черкес и татар учились нашему языку и грамоте, а взамен наши дети желающие, чтобы учились азиатским языкам".

Для горцев было также выделено десять мест в Уманском окружном училище. Однако, адыги не до конца использовали предоставлявшиеся им возможности для получения бесплатного образования за счет российской казны. "Дети черкесских дворян, - докладывал Г.А. Рашпиль своему начальству на Кавказской линии, - приискиваются для помещения в пансионе с большою трудностью".

Некоторые выдающиеся адыгские просветители XIX века своим образованием обязаны Кубанской гимназии. В марте 1861 года с Крым-Гирей Инатов окончил пансион для детей горцев при Кубанской войсковой гимназии, где изучал латынь, французский, немецкий и русский языки, и был зачислен по направлению Главного управления учебных заведений на Кавказе в Петербургский императорский университет по "математическому разряду".

В конце 40-х годов XIX века горцев до отправления в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения стали обучать в только что созданной Новороссийской азиатской школе с четырехлетним сроком прохождения программы.

С основание первых школ, училищ и Черноморской войсковой гимназии сразу остро стал вопрос о кадровом обеспечении учебного процесса. По инициативе войскового атамана Ф.Я. Бурсака из Московского университета были приглашены студенты Емельян Степанович Иванченко и Дмитрий Иванович Поляков, ставшие в 1803 году первыми учителями в Черноморском казачьем войске.

Кадровый состав педагогов был весьма разнообразен. Встречались учителя с высшим университетским образованием, имелись и малоподготовленные к такого рода интеллектуальной деятельности люди, как дьячки, пономари и малообразованные казаки. Встречались также большие энтузиасты своего дела. Так, Роговское училище своим открытием в 1819 году было обязано дворянину Василию Самусю, изъявившему желание содержать его на собственном своем иждивении и учить детей без жалованья. После же объезда в Киевскую губернию местный стихарный дьячок Василий Тараненко изъявил желание быть учителем также без жалованья. К.В. Россинский считал Тараненко, окончившего с отличным успехом при добропорядочном поведении Екатеринодарское училище, "к учительской должности способным".

Педагогом от Бога был отставной урядник Черноморского казачьего войска Петр Павлович Головкин, учительствовавший в конце 50-х - начале 60-х годов XIX века с начала в станице Кисляковской, а потом в Куцевской школе, и "за особое усердие в добровольно принятой на себя обязанности учителя" дважды награждавшийся приказом по Кавказской армии 100 рублей серебром.

"Прекрасный подвиг жертвующего усердия к пользам общественным", по мнению генерал-майора Г.А. Рашпиля, совершил окружной штаб-офицер Таманского округа полковник Георгий Табанец, по своей инициативе и большей частью, на свои собственные средства построивший окружное училище в станице Полтавском, которое было открыто в октябре 1845 года.

Наиболее подготовленные учителя работали в Черноморской гимназии и Екатеринодарском уездном училище. В первый период существования этих учебных заведений К.В. Россинскому удалось набрать довольно квалифицированных педагогов. Из 12 учтенных учителей семь окончили вузы, трое получили незаконченное высшее образование и только двое, в том числе и сам Россинский, имели среднее образование (окончили гимназию и семинарию). Но, принадлежавший к последним, К.В. Россинский до приезда в Черноморию уже имел десятилетний стаж педагогической работы и к тому же был талантливым педагогом от природы и энергичным организатором школьного дела.

Сложнее было подобрать учителей для куренных (станичных) школ. Из десяти приходских училищ, открытых в 1819 году, в курене Таманском учителем стал казак Базилевич-Капитанский, окончивший Киевскую духовную академию, в Медведомском - священник Гаевский - выпускник Екатеринославской семинарии, а в курене Роговском - упоминавшийся В. Тараненко. Всех их Россинский характеризовал как людей "к учительской должности способных". "В прочих же училищах, - с горечью писал в училищный комитет Харьковского университета Россинский, - казаки или дьячки на время, мало к сей должности или вовсе не способны".

Рапорты с "мест" надзирателей первых черноморских училищ дополняют безотрадную картину народного образования в некоторых куренях. Так, надзиратель Старощербиновского приходского училища в своем рапорте в канцелярию Черноморского войска от 19 ноября 1835 года писал: "Старощербиновское приходское училище совсем упадет по слабому радению оногo училища учителя-урядника Ивана Лавровского, который уже допустил себя до такого крайнего состояния чрез хмельные напитки, что совершенно училище похоже на питейный дом и пьяных людей пристанище, что невозможно оногo никакими способами воздержать или усостыжить, и окошек не настачим, что пьяный часто временно выбивает". Поэтому, писал старощербиновский надзиратель, "дети остаются без наук".

Примерно в таком же бедственном положении находились и другие приходские училища Черномории. Так, в новонижестеблиевском училище накануне его окончательного закрытия 2 июня 1843 года количество учащихся резко упало с 37 в феврале 1841 года до 5 в январе 1842 года. Учитель его жаловался, екатеринодарскому начальству на то, что "он не получает никакого содержания, отчего чрезвычайно нуждается и бедствует; учеников в училище очень мало, общество отказалось давать содержание ему, родители взяли из училища детей...".

К числу наиболее выдающихся специалистов своего дела относился, к сожалению, ныне

совершенно забытый учитель Черноморской войсковой гимназии, выпускник Харьковского университета Василий Емельянович Толмачев, преподававший словесность и латинский язык. После смерти К.В. Россинского, самым близким сподвижником которого он был, Толмачев восстановил Куцеевское приходское училище, где на практике применил ланкастерскую систему взаимного обучения. Передавая по тем временам Белл-Ланкастерская система взаимного обучения применялась преимущественно в начальной школе, где старшие и более успевающие ученики являлись помощниками учителя и под его руководством вели занятия с остальными учащимися.

Предметом повседневных забот Россинского являлось обеспечение учебного процесса необходимой литературой. Если в 1806 году в библиотеке Екатеринодарского училища имелось 26 гражданских и 64 книг, среди которых, были пособия по математике, физике, геометрии, "Древняя история" Роллена в десяти томах, "Слова и речи" Феофана Прокоповича, "Священная история Ветхого и Нового завета" Писарева, "Соборное уложение" царя Алексея Михайловича, Труды Вольного экономического общества, "Философия" Теплова, "Синописис", "Повествования Геродота, жития святых и другие, то уже на следующий год она получила очень ценные книги из ризницы Межигорского Киевского монастыря, недавно упраздненной, а также от разных благотворителей. Число томов увеличилось до 210. К 1820 году, когда уездное училище было преобразовано в Черноморскую войсковую гимназию, в библиотеке уже насчитывалось свыше 700 томов.

От церквей и куренных обществ Россинский добивался предоставления бесплатных помещений для школ. Борется он и "с препятствием, едва преодолимым" - почти полным отсутствием учителей. Эта преграда не являлась особенностью Черноморья, она была всероссийского масштаба. Устав 1804 года пытался преодолеть ее, обратившись к помощи многовекового организатора и системе просвещения - русскому духовенству. Россинский, как духовное лицо, широко использовал этот источник, опираясь на специальное постановление Священного Синода и на свое положение войскового протоиерея, совмещавшего к тому же в своем лице должности директора Черноморской гимназии, смотрителя и преподавателя. Не случайно, поэтому заметный процент учителей приходских школ и уездного училища составляли люди духовного звания, священники, дьячки и т.д.

Россинский пробует искать учителей и в другом сословии, в войсковом, но находит их мало и ненадолго. Сначала сказывалось отсутствие образованных людей, потом, когда уездное училище и гимназия смогли подготовить некоторые кадры грамотных людей, приток казаков в народное образование оказывался все равно слабым. Главной причиной, наряду с особенностями войсковой жизни, являлось недостаточное вознаграждение за трудный учительский труд. Не делало привлекательной педагогическую деятельность и не особенно почетное положение учителя в тогдашнем казачьем обществе, выраженное, между прочим, в малых чинах. Архивные документы сохранили немало рапортов войскового протоиерея, хлопотавшего о чинах учителям, повышении им жалованья, отпуске денег на дрова, квартиры, о бесплатной выдаче бумаги и чернил от училища.

Молодые учителя, назначенные из студентов и выпускников Харьковского императорского университета в черноморскую глушь, часто менялись. Они не выдерживали убийственного климата болотистого города, некоторые не могли стерпеть душливой нравственной атмосферы в Черноморьи. Учитель гимназических классов Филиппов умирает от горячки, молодой физик

Сбитнев пишет Россинскому заявление о переводе: "... я уже целый год здесь и могу похвалиться, что употреблял все усилия для перенесения многих неудовольствий, как со стороны жителей, так и со стороны климата. Жители возроптали на меня за речь, произнесенную мною при публичном экзамене. В ней я попытался доказать, сколь полезна физика для искоренения предрассудков, и что человек, занимающийся ею, исполняет свою душу священным благовонием к Творцу. Я мнил, что можно возбудить в них рвение к поддержанию нашей гимназии как заведения, необходимого для воспитания детей. Но я ошибся. Жители подумали, что я, забывая Бога, пытался их осмеять. Поздно я узнал, как опасно истреблять предрассудки, составляющие существенное достоинство черноморцев. Одним словом, казаки не хотят ничему учиться и ничему верить".

Этого-то отношения к школе жителей черноморских куреней больше всего боялся и сам Россинский. В одном из своих посланий председателю Харьковского училищного комитета он роняет характерное саркастичное замечание: "... мне известна охота к учению черноморцев: они не рады, что и сие училище имеют, отпуская ежегодно по 1500 рублей".

Заметной личностью на ниве кубанского просвещения в 50-е годы XIX века был Николай Семенович Рындовский. В 1838 году он окончил филологический факультет Харьковского университета и стал работать старшим учителем исторических наук в Воронежской гимназии, затем был библиотекарем Харьковской губернской гимназии, инспектором и директором Ставропольской гимназии, где активно участвовал в создании 1850 года на должность директора училищ земли войска Черноморского уже являлся автором "Историко-статистического описания города Задонска", подробной генеалогического описания таблицы государей, царствующих в Европе с 400 по 1840 годы, сочинения о начале театра в России.

Из сохранившихся формулярных списков, относящихся к рубежу 50 - 60-х годов XIX века, видно, что с высшим образованием в Дирекции народным училищ работало девять человек (шесть окончили Харьковский университет, являвшийся тогда учебно-научным центром всего юга России, двое - Санкт-Петербургский и один Лазаревский институт восточных языков), одиннадцать учителей имели среднее образование, в том числе восемь - светское и придуховное; пять окончили уездные или окружные училища; не показано образование в семи случаях, а в двух формулярных списках было отмечено, что лицо, его заполнявшее, "в казенном учебном заведении не воспитывалось, российскую грамоту читать и писать "знает".

Наиболее квалифицированные кадры были сосредоточены в восстановленной Кубанской войсковой гимназии. Шесть преподавателей из девяти имели высшее образование. Здесь работали известные не только на Кубани, но и в России в целом деятели. Так, в нем трудился будущий редактор первой газеты на Кубани ("Кубанских войсковых ведомостей", смотритель войсковой типографии и газетного стола Л.Ф. Прага (до поступления на работу в гимназию работал учителем в Уманском окружном училище).

Учителем русского языка и географии, а затем комнатным надзирателем и учителем истории работал с января 1859 года Степан Дмитриевич Демченко, закончивший со степенью кандидата историко-филологический факультет Харьковского университета. Кроме преподавательской деятельности, он занимался общественной работой. В близких отношениях с ним находился преподаватель Кубанской войсковой гимназии Николай Иванович Воронов, старший учитель словесности, писатель, этнограф, первый кубанский корреспондент герценовского "Колокола". Он окончил Валковское трехклассное училище, затем Харьковскую губернскую гимназию, после чего,

в сентябре 1849 года поступил на первый курс историко-филологического факультета Харьковского университета. По окончании работал в Кубанской войсковой гимназии учителем русского языка и географии. Являлся автором таких произведений, как "Дорожные заметки на разных путях южной России", очерк "От Екатеринодара до Ставрополя", опубликованные в "Одесском вестнике".

В целом, в решении проблемы учительских кадров на рубеже 50-х годов был заметен определенный положительный сдвиг: более половины учителей имели высшее и среднее образование. По тем временам - достижение немалое. Если на начальной стадии становления народного образования часто встречались случайные люди, то теперь кадровое обустройство школьного дела в основном удовлетворительным. Произошло это по двум причинам. С одной стороны, Харьковский императорский университет стабильно поставлял педагогов высшей квалификации. Кубанская войсковая гимназия и Кавказская духовная семинария выпускали специалистов средней квалификации, которые после сдачи экзамена на звание учителя могли работать в начальных и уездных училищах. С другой стороны, сравнительно малое количество учебных заведений позволяло рассредоточиться даже небольшому числу более или менее подготовленных педагогов между гимназией, окружными и начальными училищами. И ущерб, возможно наносимый малоподготовленными педагогами (их было немного), был минимальный.

Свою специфику имеет становление и развитие библиотечного дела на Кубани. Выделяют особенности становления книжного дела на Кубани: позднее административно-управленческое оформление Кубани (Черномории) на территории России, заселение ее запорожскими казаками, ориентированными не столько на письменную культуру, сколько на традиции и обычаи, отсутствие на заселяемых территориях каких-либо книжных собраний, что дает исследователю возможность проследить процесс формирования местного книжного дела с "чистого листа". И это не историческая литература. Первые книги и первая библиотека появились вместе с первыми переселенцами-казаками. До конца 30-х годов XIX века столетия на Кубани общественных и ведомственных библиотек не было: имелись книжные собрания, которые носили функционально-прикладной характер. В регионе складывались церковные и учебные собрания книг. Книги хранились в войсковых и станичных правлениях. Они присылались или привозились с оказией из Петербурга, Харькова, Херсона, представляли (и набор книг, без которого невозможны реализация управленческих функций, проведение церковной службы, обучение грамоте.

Ни одного книжного собрания начала XIX века, как единого целого, не сохранилось: одни вошли в состав различных библиотек, другие полностью или частично увезены из Кубани, третьи - погибли. Тем не менее, сохранившиеся каталоги, реестры, описи имущества, экслибрисы, дарственные и владельческие записи, письма и дневники кубанцев (черноморцев) позволяют реконструировать состав ряда библиотек того времени. Такая реконструкция дает возможность проследить книжные и культурные связи черноморского и кубанского казачества, пути миграции книг на Кубань, расширяет круг источников для изучения истории науки Кубани.

Первой крупной коллекцией книг, перевезенной на Кубань, была библиотека Межигорского монастыря. Особый интерес для реконструкции состава перевезенной библиотеки предоставляет реестр гражданских и славянских книг, переданный в библиотеку Черноморского войскового училища. Судя по реестру, в училище было передано 135 книг, из них славянских (кириллических) - 102. Все книги кириллической печати, за исключением трех, религиозного содержания. 84% этих книг напечатано на Украине, в Прибалтике, Белоруссии. Широко представлены издания Киево-

Печерской Лавры и Львовской братской типографии.

Сегодня выявлено более 10 изданий из книжной коллекции Межигорья. Книги эти хранятся в отделе редких книг Краевой научной библиотеки имени А.С. Пушкина, в фондах Государственного архива Краснодарского края, Государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицина.

Серьезные разговоры о необходимости создания библиотеки в Черномории начались в 1818 году. В Черноморском (Кубанском) войсковом училище библиотека была сформирована в 1805 году, основную часть которой составляли книги по истории, географии, математике, религиозного содержания. Реестр книг в библиотеке этого училища был составлен в 1808 году и содержал 165 наименований. У истоков книжного дела находились полковые библиотеки Кубанского казачьего войска. Уже с начала 40-х годов кубанскую казачью интеллигенцию не устраивает "прикладной" характер, функциональность существующих в области книжных собраний. Средств, возможностей, да и потребности в открытии войсковых библиотек еще нет, но разрушение "функциональности" происходит. Отельные станичные атаманы приобретают для своих правлений книги исторического и политического содержания. Одновременно, на Кубани в семьях казачьей интеллигенции происходило интенсивное формирование личных книжных коллекций, которые тоже позволяли удовлетворить потребности населения в "нефункциональных" книгах.

Общественная библиотека в Новороссийске была открыта в 1844 году. Читатели подразделялись на действительных членов и вольных подписчиков. К первым относились генералы, штаб - и обер-офицеры всех ведомств, а также гражданские чиновники, состоящие на службе в укреплениях Новороссийском и Кабардинском, ко вторым - частные лица купеческого звания, предприниматели других сословий.

В 1840 - 1850-х годах на Кубани постепенно шло распространение библиотек, росло число читателей. Анализ путей формирования книжных коллекций и книжной культуры края во многом отражает процессы формирования культуры края в целом, выявляет роль, которую в этих процессах играла военная интеллигенция. Под влиянием общественного мнения, сформировавшегося деятельностью ссыльных декабристов, началось движение за организацию общественных библиотек и открытие для широкой публики училищных фондов. Были узаконены библиотеки в войсковых соединениях. Интерес общественности к книге возрастал, но библиотечное дело развивалось очень медленно и лишь к концу XIX века количество библиотек на Кубани значительно увеличилось.

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ

Поступательное культурное развитие страны еще во второй половине XVIII века поставило перед царским правительством вопрос о женском образовании. Признавалось возможным давать государственное образование лишь особам дворянского происхождения в закрытых учебных заведениях. Такими заведениями стали институты благородных девиц. Наиболее привилегированным институтом благородных девиц был Смольный институт или, как его первоначально называли, "Воспитательное общество благородных девиц", основанное в 1764 году в стенах Воскресенского Новодевичьего монастыря около деревни Смольной. Воспитанницы института делились по 4 возрастам: I - от 6 до 9 лет; II - от 9 до 12 лет; III - от 12 до 15 лет; IV - от 15 до 18 лет. В учебной программе особое место занимали Закон Божий и иностранные языки. Помимо этого преподавались русский язык, арифметика, география, история, в третьем возрасте даже архитектура, опытная физика и геральдика. Для подготовки будущих хозяек и матерей воспитанницы обучались шитью, вышиванию, ведению домашнего хозяйства. Главной целью воспитания являлось формирование "нового типа" дворянской женщины, образованной, эстетически развитой, способной занять видное место в светской жизни. Для этого девушкам преподавались рисование, музыка, танцы, в четвертом возрасте - правила светского обхождения и учтивости. В 1802 году в Москве были открыты два Екатерининских института. В них принимали девиц из небогатых и незнатных дворянских семейств. После Отечественной войны 1812 года в Петербурге на Васильевском острове был учрежден так называемый Патриотический институт, предназначенный для дочерей штаб- и обер-офицеров, принимавших участие в военных действиях. Затем в него стали принимать и детей чиновников. В 1812 году по образцу Патриотического был создан для дочерей младших обер-офицеров не потомственных дворянских семей Павловский институт. Институты благородных девиц были открыты также в Москве, Харькове, Астрахани, Нижнем Новгороде, Саратове, Одессе, Оренбурге, Киеве, Тифлисе и других городах.

К концу первой половины XIX века четко оформилась узкосословная система женского образования. Если для обучения дочерей дворянских семей предназначались институты благородных девиц, то девочки мещанского происхождения - дочери ремесленников, мелких торговцев, отставных низких военных чинов, мелких чиновников - могли учиться только в особых "мещанских" учебных заведениях. Первым из них было Мещанское училище при Смольном институте. Кроме мещанского училища, для девушек среднего сословия были образованы Мариинский институт, Дом трудолюбия, Сиротский институт.

Во второй четверти XIX века передовая общественность России возбудила вопрос о религиозно-нравственном обучении девушек крепостного состояния. Также среди животрепещущих проблем русской жизни, которые стали горячо обсуждаться в конце 50-х годов и в дружеском кругу, и на страницах печати, особое место занимал так называемый "женский вопрос". Общественные деятели, писатели, юристы стали говорить и писать о семейном, экономическом, юридическом и социальном положении женщин. Прогрессивные общественные деятели, публицисты и педагоги обращали внимание современников на значительность социальной роли жизни и особенно - женского образования. Ушинский писал: "Воспитание женщины, кроме индивидуального и семейного значения, имеет еще огромное значение в народной жизни, потому что через женщину только успехи науки и цивилизации могут войти в народную жизнь". Эту же мысль развивал и Н.И. Пирогов в своей знаменитой статье "Вопросы жизни", указывая на роль женщины - воспитательницы детей: "Кто же заронит в душу ребенка первую искру "быть человеком?"

Разумеется, та, которая ухаживает за колыбелью ребенка..."

На страницах одного из самых передовых журналов того времени, "Современника", много места отводилось освещению женского вопроса. Разнообразные по жанрам произведения, в которых рассматривались те или иные проблемы социального и семейного положения женщины, были представлены широким кругом авторов. Среди них - Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Т.Г. Шевченко, Н.А. Некрасов, М.Л. Михайлов, А.Н. Пыпин, А.П. Суслова, А.Г. Жуковский, Н.Е. Карпович, А.Я. Панаева, К.Д. Ушинский и многие другие. Журнал "Рассвет" стал помещать списки книг и журналов для чтения девушкам, биографии знаменитых женщин, журнал "Русская беседа" опубликовал ряд статей женщин о своем обучении и воспитании - "Чему мы, женщины, учились?".

Так, в ходе дебатов и журнальной полемики становилось все более ясным, что важнейшим залогом изменения социального, экономического, семейного положения женщин является просвещение. Необходимость создания открытых женских учебных заведений стала очевидной. Министерство просвещения вынуждено было приступить к подготовке реформы женской школы. В 1856 году министр просвещения А.С. Норов подал соответствующий доклад императору Александру II, который повелел "приступить к устройству на первый раз в губернских городах женских школ, приближенных по курсу к гимназиям". Однако министром внутренних дел Ланским было высказано опасение в своевременности подобного начинания, ибо "идея всесословного училища для детей женского пола и притом на общественные, а не на казенные средства, не будет понята обществом" .

В конце 1856 года работник Николаевского сиротского института А.А. Чумиков подал императрице Марии Александровне записку, в которой, наряду с критикой институтской системы воспитания, указывал на преимущества открытых учебных заведений. По распоряжению императрицы попечитель Петербургского учебного округа поручил Чумикову составить проект таких училищ по образцу немецких женских школ. В то время, пока составлялся и ходил по инстанциям проект Чумикова, профессор Н.А. Вышнеградский - инспектор классов Павловского института и редактор "Русского Педагогического вестника", заручились поддержкой Марии Александровны, обратился в Главный совет женских учебных заведений с проектом отдельного открытого женского училища в Петербурге и получил на это разрешение.

В начале XIX века открываются Дома трудолюбия - учреждения, где образование девочек и девушек соединялось с обучением мастерству. На обеспечение Домов трудолюбия шли пожертвования, причем организация финансирования строилась таким образом, чтобы девушкам из несостоятельных семей дать приданное. Начало XIX века - распространение женского образования в провинции.

В 1844 году женские учебные заведения были разделены на четыре разряда, для каждого - особая учебная программа. Программа учебных заведений первого разряда наиболее приближена к той, по которой обучались мальчики. В учебных заведениях второго разряда было расширено художественное воспитание и обучение рукоделию. Третий разряд (для мещанок) строился на обучении женским ремеслам. Девочки из крестьянских семей принимались только в приходские училища.

Культурной средой, благоприятной для возникновения, как первых, так и десятков последующих школ, было общественное движение 60-х годов. В результате в 1853 году было уже 25 женских институтов, где обучалось 4187 человек. Институты появились в Одессе, Астрахани, Киеве, Казани, Саратове, Иркутске и большей частью их содержание осуществлялось на средства местного дворянства. Росла также сеть медицинских школ и курсов, что в большей степени определялось активностью Бородина, еще одного яркого поборника женского (медицинского) образования. Постепенно права девочек на образование расширялись. Местным властям было разрешено

открывать начальные женские школы там, где было не менее 25 детей, желающих учиться. Но отношение к содержанию женского образования мало изменилось. В основе была облегченная программа, ориентированная на обучение некоторым ремеслам и домоводству.

В середине XIX в начальных народных школах в России обучалось почти 37 тысяч девочек. Но это было лишь чуть более восьми процентов всех учащихся и одна десятая процента всего женского населения. Проблема расширения форм женских учебных заведений стояла очень остро.

По положению о женских училищах, изданного в 1860 году, были учреждены 6-годичные женские курсы первого разряда и 3-годичные - второго разряда. И, наконец, в 1862 году открылись семиклассные женские гимназии. Ситуация с женскими учебными заведениями быстро меняется после крестьянской реформы 1861 года. Учиться стало уже более 185 тысяч девочек. В 1863 году в Петербурге были открыты Высшие женские педагогические курсы с двумя классами: техническим и практическим. Курсы имели два отделения - естественнонаучное и словесное. Так начиналась история Педагогического института имени А.И. Герцена. А в 1872 году были открыты Московские Высшие женские курсы (курсы Герье). Эти курсы положили начало высшему женскому образованию в России.

К 1915 году было уже 913 женских гимназий и 88 прогимназий. И все же неграмотных среди женщин оставалось втрое больше, чем среди мужчин.

Этот краткий курс в историю и проблемы женского образования показывает, что на протяжении всех периодов развития на основное - фундаментальное, глобальное - противоречие школьной системы накладывалось и специфическое социокультурное противоречие - отношение к девочке, подростку - девушке, прежде всего, как к будущей хозяйке в семье и матери, для которой ценность профессиональной или общественной карьеры если не сомнительна, то явно второстепенна. Оно впервые было обосновано Яном Амосом Коменским в его "Материнской школе", где он развивал идею взаимосвязи образованности матери и воспитанности ее детей. Для Коменского женщина - первая наставница детей. И это действительно великая и прекрасная роль женщины. Однако в представлении многих людей не одного поколения эта роль рисовалась естественной и основной. Такая позиция, существующая, видимо, на уровне архетипов, в подсознании, часто и самим женщинам мешает добиваться счастья и успехов в своей личной и общественной жизни. Эта позиция не преодолена в современном обществе.

Развитие женского образования в своей многотрудной истории базировалось на разных позициях, вмещало противоречивые смыслы и отражало несхожие ожидания людей, как педагогов, так и учениц, которые, вырастая, кто с благодарностью, а кто и сожалением вспоминает школьные годы. Женское образование было реальной, хотя молчаливой ареной столкновения различных культурных интересов и представлений о сущности образования. Теперь так называемый "женский вопрос" перешел в другую плоскость - создания социальных условий для равноправного самоопределения и самореализации. Женщины получили возможность осуществлять свои права на равное образование, но остается противоречие: образование женщин само по себе не гарантирует им равных с мужчинами возможностей.

В Кубанской области до 1860 года не было ни одного женского учебного заведения. Образование женщин ограничивалось или исключительно домашним, или его получения за пределами области. На это ненормальное явление в жизни казачества первая обратила внимание супруга генерал-майора Наталья Сергеевна Иванина, урожденная Шпилевская. Благодаря энергии этой выдающейся женщины, в Екатеринодаре образуется кружок дам, поставивший себе задачу - помочь образованию детей. Это положило начало основанию Екатеринодарского женского благотворительного общества. В конце 1860 года в Екатеринодаре было открыто первое женское училище. Открывая школы, Иванина уделяла большое внимание составлению "устава" женского благотворительного общества, которое было утверждено 25 октября 1862 года. Согласно пункту 5

этого устава, Общество стало получать ежегодную субсидию от Кубанского казачьего войска в размере 1200 рублей.

Первый раз Общество собралось 23 декабря 1864 года в присутствии наказного атамана. В этот день избрали правление Общества. Его председателем стала супруга наказного атамана Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон, которая много сделала для Кубанской области на поприще женского образования. Дата избрания первого правления является днем официального существования Общества.

С 1865 года Общество перенесло свою деятельность в станицы, открывая постепенно школы в станицах Полтавской, Ладожской, Отрадной, Уманской, Баталпашинской, Андрюковской. Интерес к женскому образованию среди казачьего населения был незначителен. Порой приходилось даже сталкиваться с враждебностью. За первые 25 лет существования Обществом были открыты школы в тридцати населенных пунктах области, давшие элементарное образование 4476 девочкам; к 23 декабря 1889 года, то есть ко дню 25-летия, в ведении Общества оставались только школы с 8 отделениями, в которых обучались 131 девочка, остальные школы были переданы станичным общинам. С течением времени отношение населения к женскому образованию стало изменяться к лучшему; образование женщин становилось потребностью. Ко дню 50-летия в ведение Общества было 22 школы. В школах значилось 72 отделения, в которых преподавали 22 законоучителя, 78 учительниц и 12 учительниц пения.

Екатеринодарское женское благотворительное общество явилось пионером в продвижении женского элементарного образования области. Открыв одновременно более чем в тридцати населенных пунктах школы, оно подготавливало население к сознанию, что образование женщин также необходимо, как и мужчине.

Успешной деятельности Общества способствовала, прежде всего, преданность делу просвещения всего состава правления. Многие зависело от председателя правления. С февраля 1908 года во главе Общества стала Софья Ивановна Бабыч. Она со свойственной ей энергией занялась этим делом. Благодаря настойчивости Софии Ивановны, благотворительное общество за короткое время получило более двадцати тысяч рублей только на одни строительные нужды.

25 октября 1860 года его императорским величеством, Александром II, было утверждено положение о Мариинском училище Кубанского казачьего войска. Но открытие училища, как первого женского средне-учебного заведения в Кубанской области, замедлилось почти на три года из-за непрекращающихся военных действий на Западном Кавказе. В начале 1863 года наказным атаманом казачьего войска был назначен граф Ф.А. Сумароков-Эльстон. В первый же год своего правления он решил осуществить на практике то, что высочайшею властью было утверждено и, тем более, потому, что по смете расходов Кубанского казачьего войска необходимая сумма на содержание Мариинского женского училища стала ассигноваться с 1 января 1862 года. Когда же графу стало известно, что в октябре 1863 года город Екатеринодар посетят их Высочество великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Ольга Федоровна, то к дню их прибытия в Екатеринодар было подготовлено все необходимое для открытия Кубанского Мариинского женского училища.

Графиня Едена Сергеевна Сумарокова-Эльстон со дня открытия училища много сил и внимания уделила его нуждам. Она часто посещала училище. Став начальницей училища, Елена Сергеевна свое жалованье отдавала на нужды образования. Из сумм, следовавших к выдаче на содержание начальницы, образовался неприкосновенный капитал в размере 2200 рублей имени графини Сумароковой-Эльстон, проценты с которого ежегодно шли на экипировку беднейших выпускных воспитанниц.

В большом рублевом доме, находившемся на углу Посполитакинской и Крепостной улиц, 25 октября 1863 года в Екатеринодаре было открыто Кубанское Мариинское училище, главной

задачей которого было дать дочерям офицеров Кубанского казачьего войска воспитание, соответствующее их будущему назначению - быть добрыми супругами, попечительными матерями, на которых исключительно лежит обязанность о физическом воспитании и первоначальном умственном образовании детей, быть знающими хозяйками, от которых большей частью будет зависеть домашнее благосостояние.

Кроме классных комнат, в училище был просторный зал, квартира начальницы и комната классной дамы. Здания, занимаемые училищем, далеко не соответствовали своему назначению: "они были старые, под камышовой крышей, двери не имели должного притвора, при сырой и холодной погоде в комнаты заходил холодный ветер, и было холодно, несмотря на то, что топили по два раза в сутки, отчего дети страдали простудой". Дома Посполитаки освобождены были училищем 1 декабря 1866 года. Так как в училище постоянно увеличивалось количество учащихся, то одного дома под классные помещения было недостаточно, поэтому Совет училища вынужден был нанять еще один дом из шести жилых комнат Войскового старшины Рубашевского, с платой 300 рублей в год. С 1 сентября 1864 года был заключен контракт с Рубашевским на постройку нового дома из пяти комнат. У Рубашевского Советом училища были наняты еще два старых флигеля, заключающие в себе по две комнаты, сарай, погреб и все плановое место, по контракту на три года.

С 26 августа 1868 года Кубанское Мариинское училище по ходатайству Совета училища было перечислено ко второму разряда женских учебно-воспитательных заведений ведомства императрицы Марии. Первой Августейшей покровительницей училища была императрица Мария Александровна.

20 сентября 1879 года городской глава В.С. Климов обратился в Совет Кубанского Мариинского училища с предложением открыть на средства города в помещении училища параллельный первый класс с правом обучения в нем дочерей горожан с отнесением расхода на средства города. Вслед за этим последовало ходатайство об открытии в следующем году второго параллельного класса. 23 августа 1880 года ходатайство было удовлетворено.

Принимая во внимание, что Мариинское училище предлагали преобразить в институт, доступ в который детей непривилегированных сословий будет закрыт. Городская дума поручила городскому главе открыть в Екатеринодаре женские гимназии на средства Кубанского казачьего войска и города для детей войскового сословия и горожан. Начальницей Первого попечительного совета была избрана Екатерина Васильевна Кременецкая.

14 сентября 1884 года в Екатеринодаре состоялось открытие первой в городе женской гимназии в здании, где были параллельные классы Мариинского женского училища. 15 сентября начались приемные экзамены. При основании Екатеринодарской городской женской гимназии ее почетной попечительницей была супруга наказного атамана Кубанской области Елизавета Ивановна Малама. Председателем Попечительного Совета в это время был статский советник Владимир Алексеевич Росляков. Много сил и времени отдали гимназии такие уважаемые люди, как надворный советник Василий Семенович Климов, статский советник Степан Харлампович Слабизион, отставной полковник Леонид Федорович Александровский, старший советник Виктор Васильевич Николаев, коллежский асессор Александр Степанович Боголюбов, коллежский асессор Владимир Васильевич Скидан, дворянин Николай Антонович Николаев, купец второй гильдии Даниил Никитович Сквориков, священник Иоанн Яковлевич Перевозовский и многие другие.

Для вновь поступающих действовал подготовительный класс, которым руководила Клавдия Павловна Морокина. За каждым классом были закреплены классные надзирательницы. При гимназии находились врач-женщина, она же была преподавательницей гигиены, Александра Андреевна Глухова.

Екатеринодарское женское общественное училище, попечительницей которого являлась Елизавета Александровна Бурсак, заведующей - Мария Григорьевна Жилинская; учителями были Людмила Михайловна Охотникова, Анна Михайловна Калашникова, Клавдия Сергеевна Клещева, Александра Мартыновна Соколова, Ефросинья Мироновна Максимова.

Екатеринодарское женское училище состояло на содержании купеческого общества. Попечителем училища был купец Александр Егорович Ерохин, заведующей - учительница Дарья Федоровна Корсун, ее сестра - Мария Федоровна Корсун - была учителем рукоделия, законоучителем - священник Александр Покровский, преподавательницей пения - Анна Афанасьевна Казанская, помощницей учителей - Юлия Семеновна Левкович.

Майкопское Мариинское женское училище - попечителем был инженер Константин Васильевич Барготин, заведующей-учительницей - Юлия Федоровна Потапова, законоучителем - протоиерей Евгений Соколов, учительницами были Елизавета Николаевна Слепухина, Александра Даниловна Мацыненко.

В Майкопе действовали Майкопское женское второе училище и Майкопское женское третье училище. В Майкопском женском втором училище заведующей-учительницей стала Пелагея Николаевна Слепухина. Ей помогли законоучитель-священник Семен Лаванов и учитель пения, псаломщик Георгий Алегонтович Арчетов.

Попечителем и законоучителем Майкопского женского третьего училища, являлся священник Михаил Костинский. Организации училища много сил и энергии отдала заведующая-учительница Наталья Николаевна Белороссова.

Кандидат богословия, протоиерей Екатеринодарского войскового собора Михаил Петрович Воскресенский открыл Екатеринодарское епархиальное женское училище. Он же являлся и председателем Совета. Начальником училища была вдова надворного советника Наталья Михайловна Максимова. Инспектором классов и законоучителем стал кандидат богословия, священник Константин Николаевич Терпецкий, он также преподавал арифметику в первом и втором классах училища. В дело воспитания учениц старались вложить все свое умение и талант такие преподаватели и учительницы, как: преподаватель русского языка с церковно-славянским в первом и втором классе; преподаватель географии во втором и чистописания в первом и втором классах, окончивший Московский императорский университет с дипломом второй степени, губернский секретарь Александр Алексеевич Троицкий; учительница приготовительного класса, вдова есаула, имеющая свидетельство на звание наставницы, Варвара Григорьевна Кушнарева; учитель церковного пения, окончивший курс духовной семинарии, псаломщик войскового собора Григорий Иванович Васильев; учительница рукоделия, вдова мещанина, имеющая аттестат на звание мастерицы, Мария Иосифовна Налетова; воспитательницы-девицы: окончившая Санкт-Петербургские женские курсы Лидия Тимофеевна Светлова и, имеющая свидетельство на звание домашней учительницы Александра Платоновна Максимова.

Женские училища открывались повсеместно. Так, было открыто Темрюкское женское двухклассное училище, попечителем которого являлся Савватий Фролович Асмолов, учительницей-надзирательницей была Варвара Максимовна Денисова; законоучителем стал священник Василий Ксенофоитов, учительницами - Марья Михайловна Корнилович, Вера Николаевна Осипова, Софья Афанасьевна Роговская, Мария Николаевна Назарова, учителем пения был Николай Терентьевич Мелетьев.

В Анапе было образовано попечителями Людмилой Васильевной Пиленко, Арсением Устиновичем Савицким, Александром Сергеевичем Поповым Анапское женское одноклассное училище. Преподаватели в нем - учительницы Екатерина Степановна Бараковская, Елизавета Михайловна Корнилович; законоучителем и учителем пения был священник Павел Базелевский. По статистическим данным, в 1897 году грамотных женщин в городах было в 2 раза меньше, а в

кубанских станицах в 5 раз меньше, чем мужчин.

В 1902 году, государь император рескриптом "... по Всеподданнейшему докладу Главноуправляющего собственностью его императорского величества канцелярий по учреждениям императрицы Марии графа Пратасова-Бахметова..." согласился на переименование Кубанского Мариинского женского училища в Кубанский Мариинский институт.

С преобразованием училища в институт, положением Военного Совета от 25 апреля 1906 года по представленному проекту известного архитектора А.П. Косякина, разрешено было построить для Кубанского Мариинского женского Института новое здание на плановом месте, принадлежащем войску, где того помещалось Кубанское ремесленное училище с оружейной мастерской при нем, а занимаемое училищем здание передать в ведение Войскового Управления. Немедленно же в 1906 году приступили к заготовке материалов, так как постройка производилась хозяйственным способом, через особо избранный и учрежденный для этого комитет, освещение места и закладка здания происходили в присутствии представителей войска и полного состава института. В 1909 году новое институтское здание было окончено.

В своей просветительской деятельности Кубанское Мариинское училище со времени открытия, с 25 октября 1863 года по 1902 год руководствовалось Положением о Мариинском женском училище Кубанского казачьего войска с дополнением к нему высочайше утвержденного 25 июня 1873 года мнения государственного совета. Сверх того, как состояние в ведомстве учреждений императрицы Марии, оно неуклонно выполняло все циркулярные распоряжения означенного ведомства.

В Манифесте от 19 марта 1856 года записано: "Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство России; правда и милость да царствует в судах ее, да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов для всех равно справедливых...".

30 октября 1913 года было подписано Положение о Кубанском Мариинском институте, в котором говорилось, что Кубанский Мариинский институт предназначен для воспитания и образования дочерей лиц, принадлежавших к Кубанскому казачьему сословию или служащих в Кубанской области и имеющих военные или гражданские чины, а также священнослужителей и потомственных дворян.

Преподавателям в четырех младших классах института могли быть только лица женского пола, окончившие полный курс среднего учебного заведения (русского или иностранного) и имеющие аттестаты на звание домашних наставниц или домашних учительниц по предмету, к преподаванию которого они назначаются.

Воспитанниц института набирали общей численностью до 250 человек, из которых 125 было бесплатных пансионеров, 50 - полуплатных, родители которых вносили половину платы и 75 - платных, причем число последних, по усмотрению Совета могло увеличиваться. Приходящих слушательниц принимали до 100 человек, причем, если помещение позволяло, их могло быть и больше.

Плата за своекоштных пансионеров войскового сословия назначалась в 250 рублей в год, невойскового сословия - в 350 рублей, за полуплатных - в 125 рублей в год. Сверх того, на первоначальное обзаведение одновременно за платных воспитанниц вносилось 50 рублей. За право учения приходящих учениц невойскового сословия размер оплаты определял Совет института, но не свыше 50 рублей в год. Приходящие ученицы войскового сословия обучались бесплатно. Воспитанницы, не внесшие в течение месяца платы, исключались из института, по усмотрению Совета. При открывшейся вакансии Совет принимал в институт первую стоящую на очереди кандидатку.

Институт состоял из девяти классов, в том числе подготовительного и одного педагогического.

Расписание учебных предметов, число уроков, объем учебного курса и распределение его по классам определялись общими учебными табелями и планами, действующими в институтах Ведомства; был установлен строгий распорядок дня.

По окончании выпускного класса сдавали по каждому из преподаваемых в этом классе учебных предметов экзамен, который принимался по всем предметам комиссиями, состоящими из Инспекторов классов. Экзаменационная комиссия по каждому предмету состояла из трех человек: инспектора классов или его заместителя, преподавателя предмета и ассистента, которые выставляли баллы, соответствующие знаниям. Начальница института принимала участие в обсуждении ответов и письменных работ воспитанниц.

Каждой воспитаннице по окончании курса учения выдавался аттестат по установленной форме. Отличившихся и успешно сдавших экзамены выпускных воспитанниц награждали штрафами, золотыми и серебряными медалями. При награждении учитывались отметки, выставленные им по поведению за два последних года учения, и среднего вывода за то же время из тех отметок за их познание в науках и языках, которые принимались в расчет при составлении выпускных аттестатов. К наградам представлялись лишь те выпускные воспитанницы, которые по поведению были аттестованы за оба последних года 12 баллами, обучались всеми предметами и имели "хорошие" успехи по всем учебным предметам, по которым отметки принимались в счет для вывода среднего балла.

Особое внимание уделялось содержанию института, его отчетности и полученным при этом преимуществам. Кубанский институт содержался за счет войсковых сумм Кубанского казачьего войска; отчетность по денежным оборотам подлежала ревизии. Институт имел свою печать. Отправляемые бумаги и посылки принимались на почту без платежа весовых денег. Институт пользовался правом выписывать из-за границы книги и другие учебные пособия без оплаты пошлин.

Преподаватели наук и языков разделялись на три разряда. Поурочная плата исчислялась в соответствии с числом уроков, устанавливаемых учебной программой, и табелем для институтов ведомства учреждений императрицы Марии или особым табелем, составляемым законным порядком, исключительно для Кубанского института.

К 1912 году женских гимназий в Кубанской области и Черноморской губернии было всего восемь, что превышало число мужских в два раза. В 1917 году на каждые 100 грамотных приходилось по 17 казачек и крестьянок и только одна адыгейская женщина.

Революция многое изменила в жизни казачества, в том числе и в народном образовании.

Образование стало всеобщим, как и по всей России; в казачьих школах и училищах была введена единая программа обучения, произошло отделение церкви от государства, что не могло пройти незаметно для казаков, исповедующих христианскую религию на протяжении всех веков. Система обучения стала носить административно-командный характер.